

Со времени миграции народа Цзинь на юг прошло более двухсот лет. После восстания пяти варваров северные земли постепенно заселялись людьми.

Страны Ци и Чжоу заняли восточные и западные регионы. Император Ци Гао Вей был довольно недалеким человеком, чья халатность в отношении национальных дел привела к падению власти Северной Ци, с разбросанными по стране беженцами. В то же время, Северная Чжоу под руководством императора Юйвэнь Юна становилась всё более процветающей, день ото дня увеличивая свою неуязвимость и богатство.

От округа Фунин до империи Чжоу было довольно далеко, а на пути встречалось множество беженцев. Если бы кто-нибудь, будучи не полностью подготовленным, отправился в путь, это, несомненно, стало бы равносильно «безответным молитвам к небесам и земле».

В прошлом году северная часть Ци переживала сильную засуху. Снега не было даже зимой, из-за чего засуха продлилась с предыдущего по нынешний год. Беженцы рассеялись вдоль дороги, простирающейся на юг от города Е до границы Чэнь. Поговаривали, что в некоторых местах люди даже стали обменивать детей на еду. Обдумав это, Шэнь Цяо почувствовал, что его, вероятно, из-за неспособности видеть и отсутствия боевых навыков, схватят одним из первых, если ситуация таки дойдет до людоедства.

Поскольку округ Фунин располагался в северном районе и находился относительно близко к городу Е, поблизости не наблюдалось никаких бедствий, и в целом ситуация была относительно стабильной, несмотря на отсутствие дождей в течение прошедшего года. Окружной город был довольно большим, сейчас в нем проходила храмовая ярмарка, которая делала столицу чрезвычайно оживленной.

И Ци, и Чжоу были расположены на севере, и обычаи Сяньбэя преобладали в первые годы их существования. Спустя некоторое время, постепенно китаизировались, в результате чего их одежда и аксессуары включали элементы Сяньбэй поверх изящного стиля народа Хань. Знати высшего класса стремились к элегантному и изысканному наряду, их одежды часто украшались развевающимися на ветру длинными лентами и свисающими жемчужинами и нефритами, которые отзывались ритмичным звоном при ходьбе. Новомодные нововведения оказали ощутимое влияние на общество, поэтому члены богатых семей так же носили длинные платья, доходящие до земли. Некоторые надевали шляпы и струящиеся платья, которые имитировали иностранное происхождение. В ходе храмовой ярмарки, это разнообразие узоров в одежде рисовало картину «маленькой столицы» в окружном городе Фунин.

Храм князя Цзян, где проходила храмовая ярмарка, был построен в честь Великого Князя Тая — Цзян Шана. Первоначальный храм князя Цзян находился в южной части города. Говорят, что впервые он был построен во времена династии Хань, однако после ущерба, причиненного войной, полностью пришел в негодность, не оставив после себя ничего, кроме полуразрушенной оболочки. Даже статую князя Цзян нигде не удалось найти. Этот пустой, потрепанный храм затем стал пристанищем для бездомных и нищих.

Недавно к людям, живущим там, присоединился человек по имени Чэнь Гун.

Днем он работал в рисовой лавке, загружая и разгружая мешки с рисом и выполняя прочий ручной труд. Он не желал тратить свое и без того низкое жалование на аренду жилья, потому каждую ночь он проводил в старом храме – для него такая жизнь была вполне приемлемой.

И все же, в храме жили еще два нищих, что делало его непригодным для длительного проживания; Чэнь Гуну приходилось все время носить деньги при себе и даже следить за едой, чтобы они ничего не стащили, ослабь он бдительность.

Вернувшись тем же вечером, он сразу заметил еще одну фигуру. Внутри старого храма сидел человек в серовато-белых одеждах.

Чэнь Гун невольно нахмурился. Пространство в храме и без того было довольно ограниченным, а теперь, видя ещё одного жильца, он не мог не опасаться, что у него отнимут часть территории. В руках у человека был бумажный сверток, источающий аппетитный запах. Опустив голову, человек медленно ел из него, откусывая по маленькому кусочку.

Это был аромат лепешки с ослиным мясом. Чэнь Гун не мог не узнать его. Когда отец был жив, он ел их пару раз. Но после смерти отца, его мачеха объединила усилия со своими детьми и выгнала его на улицу. Что же касается пары медяков, которые он ежедневно зарабатывал, таская мешки с рисом, его злило уже одно то, что даже разломив их пополам, количество денег у него от этого не удвоится. Как он мог позволить себе съесть что-то подобное?

Взглянув еще раз, Чэнь Гун увидел рядом с человеком еще один бумажный сверток.

Это означало, что была ещё одна мясная лепешка.

Чэнь Гун был не единственным, кто заметил ее. Двое других попрошайек тоже явились, а один из них закричал:

— Эй! А ты спросил у нас разрешение жить здесь? Этот храм слишком мал для стольких людей. Поторопись и проваливай!

Чэнь Гун знал, что они специально подняли шум. Ничего не говоря, он направился к месту, где обычно спал, и принялся собирать ворох соломы, при этом наострив уши и не отрывая глаз от лепешки с ослиным мясом.

Человек в сером мягко сказал:

— Мне тоже некуда идти. Поняв, что в храме есть свободное место, я подумал о том, чтобы прийти отдохнуть. Если этот братец любезно окажет мне услугу, я буду очень признателен.

— Если хочешь отдохнуть здесь — валяй, - ответил нищий. - Только отдай нам все, что у тебя есть!

Чэнь Гун презрительно усмехнулся:

— А мне вот не нужны твои вещи. Но если заплатишь едой, я готов прогнать этих двоих подальше от тебя!

— Старший Чэнь! - нищий пришел в ярость. - Тебя это не касается, так что не лезь!

Чэнь Гун был довольно молод. Будучи всего шестнадцатилетним юношей, он не имел крупного телосложения, но, наряду с выдающимися гибкостью и выносливостью, обладал боевой силой духа, глубоко укоренившейся в костях. Если бы не это, будучи новичком, он не смог бы взять верх и захватить самую большую «территорию» внутри храма.

— Да неужели. Ты можешь говорить, а я нет? - лениво ответил Чэнь Гун.

Хоть они и были всего лишь попрошайками, правда заключалась в том, что все нищие в городе поддерживали связь друг с другом. Рассчитывая на численное превосходство, они посчитали, что им нет нужды трусить перед Чэнь Гуном.

Потеряв к нему интерес, нищий выпрямился и потянулся к мясной лепешке, лежащей поодаль от человека в сером.

— Просто отдай мне все! Хочешь остаться здесь? Так вот именно я, старик Лай, это решаю!

Но прежде чем его рука успела коснуться еды, кто-то схватил его за запястье. Нищий взорвался от ярости:

— Старший Чэнь! Ты снова суешь нос в чужие дела! Хоть представляешь, как голоден этот старик?

— Я тоже есть хочу, - Чэнь Гун быстро схватил лепешку. - Меня спросить не хочешь?

Сразу после этих слов, он разорвал бумажную обертку и откусил, а затем победоносно сказал:

— Теперь это мои объедки. Будешь?

Попрошайка бросился на Чэнь Гуна, и тот быстро спрятал бумажную обертку в одежду. Двое сцепились друг с другом. Другой нищий тоже присоединился, превратив сцену боя между двумя людьми в схватку троих. Хоть Чэнь Гун не был ни выше, и ни крупнее своих соперников, он всегда сражался так, будто ставил на кон собственную жизнь — иными словами, очень жестоко.

Безжалостно наступив на живот одного из нищих, Чэнь Гун хлопнул в ладоши. Затем, уперев руки в бока, сплюнул:

— Вы ставите себя выше только потому, что обосновались здесь первыми! Думайте, я не замечал, как вы тайно плюете в мою еду? Хотите еще получить? Вперед! Мне в любом случае нечего терять. Единственное, что у меня есть — это моя жизнь. Вставайте, если посмеете!

Видимо, это безрассудство порядком напугало его противника. Услышав слова Чэнь Гуна, он взглянул на своего приятеля, который растянулся на земле, не в силах подняться, и тут же подскочил. Держась за поясницу, он развернулся и умчался прочь.

Видя, что его товарищ сбежал, другой нищий также не решился продолжить драку. Держась за живот, он поднялся, не сдерживая болезненных стонов, а затем неуклюже сбежал, бросаясь ругательствами вроде: «ты, придурок, дождешься у меня!»

Чэнь Гун достал из одежд недоеденную лепешку и, откусив еще раз, довольно воскликнул:

— Неплохо! Ты купил ее в лавке у Ли в южной части города? Мясо легко жуется, и оно все еще горячее. Настолько, что чуть не обожгло мне грудь!

Он почувствовал, что ради одного этого укуса определенного стоило побороться. В любом случае, эти двое уже долгое время были неприятны его глазу. Было бы глупо не воспользоваться возможностью, которая сегодня ему подвернулась, и присвоить себе это место на будущее.

Видя, что человек в сером не реагирует, он спросил снова:

— Эй! Я задавал тебе вопрос. Ты что, немой?

Мужчина поднял голову.

— Сейчас ты отбился от них, но не боишься, что в будущем они вернутся отомстить?

К этому времени Чэнь Гун уже догадался, что у этого человека проблемы с глазами. Они были тусклыми, а когда мужчина смотрел на него, казалось, что взгляд его сосредоточен на чем-то другом.

После того, как его глаза сместились на бамбуковую трость рядом с незнакомцем, ему вдруг стало ясно: «Так он слепой, а не немой».

Цокнув языком, он ответил:

— Бояться? Я ничего не боюсь! Просто посмотри на них! Что они смогут мне сделать?

Чэнь Гун оглядел человека в сером с ног до головы. Грубая одежда на нем не выделялась ни редким материалом, ни кроем; единственное, что в нем было достойно внимания — его лицо.

Да и в целом этот человек больше походил на странствующего ученого, нежели на бездомного.

— Как тебя зовут? Ты не похож на человека в тяжелом положении. Зачем ты пришел сюда? Даже крысы не хотят рыть здесь нор!

— Меня зовут Шэнь Цяо, - с улыбкой кивнул ему мужчина в сером. - Из-за болезни у меня закончились деньги, поэтому я был вынужден остановиться здесь на ночлег. Я вернусь домой, как только накоплю достаточно на дорогу. Большое спасибо, что прогнал этих людей. Могу я узнать, как мне к тебе обращаться?

То, что сообщил Юй Шэньян, было правдой лишь наполовину, поэтому он не мог верить каждому его слову. Однако кроме вершины Сюаньду, Шэнь Цяо было больше некуда возвращаться. Поэтому, подумав немного, он все же решил для начала отправиться именно туда.

Вершина Сюаньду находилась на границе между Северной Чжоу и Южным Чэнем. Отсюда до нее можно было добраться двумя путями: либо круговым — следовать на юг, затем, дойдя до территории Южного Чэня, повернуть на северо-восток, либо ехать прямо на юг, что было гораздо ближе и удобнее.

Шэнь Цяо выбрал последнее.

Хотя мир пребывал в хаосе, округ Фуин не затронуло множество катастроф, поэтому он считался в какой-то мере “чистой землей”, что было большой редкостью в это беспокойное время. Как и сказал Шэнь Цяо, оставшись без гроша в кармане, у него не было другого выбора, кроме как ненадолго обосноваться в старом храме.

Его зрение восстанавливалось довольно медленно, но, по крайней мере, прогресс все же был. В дневное время, когда было достаточное количество света, он мог видеть расплывчатые очертания. Уже намного лучше, по сравнению с кромешной тьмой, что окутала его в момент пробуждения.

Чэнь Гун сел.

— Как хочешь. Моя фамилия — Чэнь, а имя — Гун. Можешь просто называть меня старший Чэнь. Я съел одну из твоих лепешек, можешь считать это платой за сегодняшнюю ночь. Также я отогнал этих двоих, так что тебе придется дать мне, в общей сложности, три лепешки с ослиным мясом!

— Конечно, - рассмеялся Шэнь Цяо.

Увидев, как быстро он согласился, Чэнь Гун засомнивался:

— Разве ты не сказал, что у тебя закончились деньги? Тогда на что ты собираешься купить их?

Шэнь Цяо ответил:

— Я всегда могу заработать еще.

— Ты — то? - усмехнулся Чэнь Гун. - Я слышал, что ученые могут считать деньги или писать письма, но как ты можешь писать, когда даже не видишь? Собираешься таскать мешки с рисом, как я? Я сказал, ни меньше трех лепешек с ослиным мясом! Не думай, что сможешь обмануть меня. Походи, поспрашивай вокруг, тебе точно скажут, что я, старший Чэнь, может, и не силен во многих вещах, но когда дело доходит до схватки, даже демоны страшатся меня! Если завтра ты не принесешь мне три лепешки, можешь проваливать и жрать ветер!

Шэнь Цяо обладал добрым нравом. Услышав слова Чэнь Гуна, он не только не разозлился, он даже с улыбкой согласился.

Храм был поистине потрепанным, со всех сторон просачивались сквозняки. Но, к счастью, в дополнение к нескольким алтарям, в нём было достаточно колонн, которые преграждали путь ветру, и несколько охапок сена и дров, принесенных лично Чэнь Гуном — первые использовались в качестве одеяла, чтобы укрыться от ветра, а послениение — сжигались. Но все это было в его личном пользовании. Теперь, учитывая, что Шэнь Цяо согласился принести свое «подношение», Чэнь Гун неохотно отдал ему часть сена и дров.

Видя, что тот, к его удивлению, был полностью готов, даже имел с собой свой собственный толстый тюк старой одежды, Чэнь Гун не мог не хмыкнуть.

Нищие больше не возвращались, вероятно, найдя новое место для ночлега. Без тени стеснения Чэнь Гун принес одежду, которую те использовали в качестве покрывал. Понюхав их, он ощутил кислое зловоние, поэтому, скривив губы, бросил в сторону и переместился ближе к огню.

Поначалу он хотел сделать тоже самое с одеждой Шэнь Цяо, но, подумав еще раз, решил, что разберется с этим завтра, когда тот принесет ему свое «подношение».

С этой мыслью он невольно заснул.

Проснувшись рано утром, Чэнь Гун, как обычно, собирался идти на работу в рисовую лавку.

Он оглянулся, но Шэнь Цяо уже исчез, оставив после себя только ворох соломы с вмятиной от его тела и груды черного пепла от сгоревшего дерева.

Чэнь Гун не придавал этому особого значения и направился в рисовую лавку. Он не верил, что Шэнь Цяо действительно может принести ему три лепешки сегодня. Будь у того лишние деньги, пришлось бы ему жить в старом храме, который даже призраки не желали посещать? Более того, Шэнь Цяо был не только слаб, но и слеп. Как он мог заработать?

«Если вернешься с пустыми руками, я побью тебя так, что даже родная мать не узнает!» — мысленно сказал себе Чэнь Гун, когда вечером возвращался в храм.

Не дойдя до ворот, он почувствовал знакомый запах.

Казалось, звук его шагов привлек внимание Шэнь Цяо. Мужчина поднял голову и улыбнулся ему:

— Ты вернулся.

— Ослиное мясо... — с мрачным видом Чэнь Гун успел выдать только два слова, прежде чем резко остановился.

Потому что он увидел три мясных лепешки, завернутые и аккуратно сложенные на стого соломы, где он обычно спал.

<http://bllate.org/book/14532/1287303>